

Михаил Гиричев

*Заплыв
против
течения*

2004

16+

Михаил Гиричев
Заплыв против течения

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Гиричев М. Д.

Заплыв против течения / М. Д. Гиричев — «ЛитРес: Самиздат»,
2004

ISBN 978-5-532-11516-3

Конец 80-х годов XX века. Происходящие перемены в стране не обошли стороной армию. Командир дивизии Колесников ради карьерного роста и личного обогащения не пренебрегает ничем, в том числе и сокрытием воинских преступлений. Группа офицеров выступает против произвола начальника. Колесников объявляет несогласных диссидентами, которым грозит в лучшем случае увольнение из армии с лишением всех заслуг. Офицеры, принявшие неравный бой с государственной машиной, пытаются добиться правды в высших эшелонах власти. Удастся ли им это? Повесть основана на реально произошедших событиях и пропитана духом того времени.

ISBN 978-5-532-11516-3

© Гиричев М. Д., 2004
© ЛитРес: Самиздат, 2004

Заплыв против течения

События, о которых пойдёт речь, произошли в конце 80-х годов XX века. Прежде, чем начать свое повествование, сразу оговорюсь, что оно является литературно-художественным, хотя и основанным на достоверных фактах. Любые совпадения с реально существующими людьми являются случайными и не могут служить основанием для личных обид.

Преамбула I

Гремела перестройка. Командиры соединений и частей докладывали в полит. органы и вышестоящие инстанции о её ходе, кто и на сколько процентов перестроился. Я к тому времени был назначен на должность начальника химической службы противотанкового полка в прибалтийском Калининграде. Полк (как и дивизия, в которую он входил) был сокращённого состава. Это означает, что офицеры полка выполняли массу дополнительных обязанностей за тех, кто должен был прийти после объявления мобилизации. В частности, я, помимо своей должности, выполнял обязанности начальника инженерной службы, начальников складов инженерного и химического имущества (всего таких складов было 5), был руководителем группы политических занятий с женщинами (таковых насчитывалось 6), а также был одним из нештатных военных дознавателей полка. О последней нагрузке расскажу чуть подробнее.

Фактически военный дознаватель в полку выполнял функцию адвоката для тех дел, где правонарушения или преступления были совершены по неосторожности или роковому стечению обстоятельств. В этом случае он мог представить материалы первичного расследования в прокуратуру таким образом, что прокуратурой выносилось решение об отказе направления материалов в военный трибунал (или суд), а совершивший такое преступление военнослужащий нёс наказание в административном порядке властью командира части (максимум – 10 суток ареста с содержанием на войсковой гауптвахте). Командиры частей всегда стремились к тому, чтобы преступлений в отчётности было меньше, так как от этого напрямую зависел их карьерный рост, поэтому даже в сомнительных случаях подталкивали дознавателей провести расследование так, чтобы провинившийся солдат не попал в тюрьму или дисциплинарный батальон, а отделался лёгким испугом.

За год службы в этом полку я сделался основным дознавателем, так как выиграл оба дела, которые вёл. Выиграем в данном случае было то, что оба солдата были освобождены от уголовной ответственности, хотя командир части уже привык к тому, что обычно подобные дела передаются в суд, и просил лишь посмотреть, не будет ли возможности смягчить наказание. Первым делом, которое я выиграл, было дело сержанта. Тот не вернулся вовремя из отпуска, в который его отправили за успехи в боевой и политической подготовке. Из-за напряжения с билетами на поезд в летний период тот заказал билет на ближайший самолёт из Караганды, а сам поехал к девушке в Кокчетав, где его благополучно «скушал» местный военком, поместив в камеру к уголовникам и телеграфировав в часть о поимке дезертира. Если не напрягаться, то дело спокойно перетекало в соответствующую статью, по которой сержант получал 1 год дисциплинарного батальона, а затем дослуживал свой конституционный срок в обычной части. Так-то оно так, но получается, что, поощрив добросовестного сержанта отпуском на Родину, командование теперь за этот отпуск делает его уголовником. Короче, после уговора местных казахстанских свидетелей, имеющих отношение к этому событию, дело благополучно перетекло в вид, взглянув на который следователь прокуратуры недоумённо произнёс: «Так что, мы имеем дело с оправданием?» – и, получив утвердительный ответ, вынес соответствующее постановление.

Второе дело было более сложным. Во время зимнего полигона по недосмотру и халатности водитель гусеничного тягача, сдавая назад, задел стоящий позади тягач. Этому никто бы не заметил, если бы между тягачами не оказался другой солдат, который не видел такого манёвра, так как собирал водительский инструмент. В результате он чуть не погиб, став в итоге инвалидом 2 группы. Это дело классически перетекает в статью, по которой водитель либо попадает в дисциплинарный батальон, либо садится в тюрьму. Но... тут начинаются нюансы. Пострадавший и нарушитель были из одного города – оба литовцы. До призыва в армию знали друг друга, друзьями не были, но были в нормальных отношениях. Более того, родители пострадавшего солдата не настаивали на строгом наказании нарушителя, надеясь получить от него денежную компенсацию. К тому же техническая экспертиза происшествия показала, что нарушитель не мог видеть пострадавшего из-за особенностей конструкции тягача, следовательно, злого умысла в его действиях быть не могло. Теперь сводим все материалы воедино – и ... снова оправдательный приговор!

Правда, во втором случае дело осложнилось из-за приехавшей матери пострадавшего солдата. В последний момент оказалось, что никакой реальной компенсации их семья от родителей нарушителя не получила, и она требует, чтобы был суд, который обяжет платить пожизненную пенсию сыну-инвалиду за счёт нарушителя. Тут уж пришлось подключить всё красноречие, чтобы объяснить, что суд такого решения принять не может, так как нет такого вида наказания (в то время действительно не было), а пенсию по инвалидности в любом случае платит государство. В конце концов, она согласилась. Возможно, что родители нарушителя ей всё же заплатили хоть что-то.

Третье дело, о котором речь пойдет в данном повествовании, было совсем другим. Лето 1989 года. Часть находится на полигоне в 150 км от Калининграда. Командиру сообщают 2 новости – одна плохая, другая очень плохая. Вторая – на Украине у него умерла мать. Первая – среди оставшихся на охране части в Калининграде ЧП – старослужащий Якушев избивает молодого сержанта Солонина (дежурного по роте). У сержанта – сотрясение мозга, множественные синяки и ушибы. У верзилы Якушева – перелом двух пальцев (один раз промахнулся и рукой ударил в стену). Лежат на лечении в разных медицинских частях. Командир уезжает на похороны, меня просит разобраться по справедливости. Выезжаю на «разбор полётов». Сомнений никаких – типичное избивание старослужащим молодого сержанта. Учитывая, что сержант был при исполнении служебных обязанностей, действие можно квалифицировать статьёй, по которой Якушеву грозит от 2 до 10 лет тюрьмы. Хотя обычно (так как тяжких телесных повреждений нет) суд рассматривает дело по более мягкой статье и даёт хулигану 1-2 года дисбата.

Командир возвращается с похорон матери и уходит в отпуск. Перед уходом подписывает материалы на передачу дела в прокуратуру. Вроде бы дело завершено?

Нет, пока об этом говорить еще рано. Переходим к «человеческому фактору», точнее, проясним ситуацию с отдельными персонажами повествования.

Преамбула II

Как и в любом коллективе, в дивизии, где я служил, между людьми бывают разные отношения. Кого-то уважают, кого-то не понимают, кого-то терпеть не могут. Не все в нашей части любили командира полка, но в большинстве своём уважали. Временами он был крут, но справедлив. Противозаконное давление сверху отвергал категорически, за что его не любил командир дивизии и уважали офицеры полка. А вот командира дивизии процентов 70 ненавидела тайно, процентов 20 – явно, а процента 2 обожало. Последним он давал кормушку для личного

обогащения или обещал предоставить то, что обычным путём получить было не положено. Понятно, что эти люди были из числа его ближайшего окружения. Остальные не любили комдива не за то, что им этого не доставалось. Высокомерие в сочетании с личной безграмотностью и служебной нечистоплотностью не могло служить укреплением авторитета командира. Да и слишком велик был контраст по сравнению с его предшественниками. Звали его полковник Колесников, он дожидался получения звания генерала, поэтому любое ЧП в подчинённых полках ему было совсем не нужно. В отличие от других офицеров дивизии, Колесников не испытывал бытовых проблем. Предшественник комдива освободил для него служебную 4-комнатную квартиру в центре Калининграда. В том доме жили в основном семьи больших начальников, поэтому дом охранялся и обеспечивался всем по высшей категории. Типичные для города перебои с горячей и холодной водой Колесникова не касались. Зато, увидев засаленный галстук или несвежую рубашку на подчинённых, он приходил в неподдельное возмущение и устраивал форменный разнос, приводя в пример свою жену, которая может постирать ему бельё хоть в 2 часа ночи, а на свою зарплату он может купить 500 галстуков.

В нашем полку служил один человек, который к Колесникову относился с обожанием. Это было второе лицо в полку после командира – подполковник Вилков, замполит полка. Обожал он Колесникова по вполне понятной причине. Вилков жил с женой и двумя детьми в солдатской казарме. В часть он пришёл недавно, очередь на жильё не продвигалась. Для Вилкова эта ситуация могла продолжаться лет 5, а точнее, до его увольнения на пенсию. Но, как и любой офицер, он не был застрахован от того, что за год-два до увольнения в запас его могут перевести туда, где с жильём проблем не бывает, только вот ехать туда никто не хочет (например, Забайкалье или Средняя Азия). Колесников пообещал Вилкову, что при первой же возможности предоставит ему квартиру в обход всех очередей. Но за это последний должен быть на 300 % предан ему, делать всё, что ему будет поручено. А главное – постоянно докладывать через голову командира полка обо всём, что происходит в части, особенно о настроениях и разговорах среди старших офицеров. Проще говоря, быть штатным стукачом. Тут следует учесть, что процент семей бесквартирных офицеров в Калининграде был одним из самых высоких в Советском Союзе. Почти половина офицеров полка жила прямо на территории части. Трёхэтажная солдатская казарма гитлеровской постройки 30-х годов представляла собой многофункциональный комплекс: в подвале и на чердаке – склады, третий этаж – солдатские казармы, второй этаж – служебные помещения полка и классы для занятий, первый этаж – склады вперемешку с жилыми комнатами для семей офицеров. Про элементарные удобства типа горячей воды, ванны и душа говорить не буду – не было таковых. Скажу только, что меня поразило поначалу: почти всё руководство полка живет в казарме – командир, замполит, начальник штаба... Правда, потом оказалось, что все они недавно приехали, к тому же семья командира осталась на старом месте под Ригой, а сам он решил перебраться к себе на Родину – на Украину – в Николаевский военкомат. Вот временно и живёт пока в казарме. На этом фоне мои жилищные условия (1-комнатная квартира с удобствами в расположенной рядом пятиэтажке, которую мне сдал на 5 лет уехавший в Германию офицер) казались райскими. К тому же, как не имеющий своего жилья, я стоял в списке на квартиру под № 1, так как служил в Калининграде уже 4 года, да в придачу имел льготы по жилью, поскольку в 1986 году был ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС.

А вот теперь уже пора и историю начинать.

I

В тот момент, когда я собирался взять материалы дознания в прокуратуру, раздался звонок от командира дивизии. Не требующим возражений тоном Колесников приказал мне быть

через полчаса у него в кабинете с материалами дела. В итоге он забрал материалы и приказал прибыть к нему на следующий день.

– После изучения материалов я пришёл к выводу, что вы, майор, предвзято отнеслись к солдату, воспитывавшемуся в неполной семье, – охарактеризовал он на следующий день верзилу-мордворота. – Ведь посадить Якушева в тюрьму легко, а наша задача состоит в том, чтобы воспитать из него полезного члена общества. И вообще, я понял, что это была всего лишь обоюдная драка, поэтому ваш командир полка – порядочный м***к, раз направляет такие дела в прокуратуру. Ему, конечно, всё равно, он решил перевестись в военкомат. Но надо и о дивизии думать.

Комдив нажал кнопку селектора.

– Слушаю, товарищ полковник, – раздался в динамике знакомый голос замполита.

– Вилков, почему вы до сих пор сидите в кабинете? – недовольно поднял голос Колесников. – Поднимайте свой заплывший зад. Почему сержант Солонин до сих пор не изменил показания?

– Я был у него в санчасти, товарищ полковник... Но он не хочет...

– Это вам жена, Вилков, может сказать, что она Вас не хочет! – заорал комдив, – И, кстати, правильно сделает! Вам времени сутки! Уговаривайте его, как хотите, можете отпуск пообещать, перевод в другую часть, что угодно! Там была драка, обоюдная драка, и сержант должен в этом признаться.

– Но...

– Никаких но! Я и так потратил столько нервов, не говоря уже об остальном, чтобы информация о вашем мордобое не ушла в Ригу.

Комдив отжал кнопку селектора и брезгливо сплюнул на пол.

– А Вы, майор, лучше бы подумали о своей карьере и оформляли дела так, как нужно тем, от кого Вы зависите.

– Я вообще-то оформляю дела так, как они имели место быть на самом деле, – возразил я.

– Да-да, конечно, я знаю – расплылся в ехидной улыбке Колесников, – сержант у вас из отпуска опоздал из-за того, что летом самолёты не летают, а механика инвалидом Вы сделали по причине плохой видимости в 10 утра. Вы бы со своим командиром того обормота, который его задавил, ещё медалью наградили «За усердие и старание в поиске солярки для печки командира полка». Я Вам вот что скажу, майор: мне из Вас сделать козла отпущения – в принципе раз плюнуть. В дивизии нет человека, которого я не мог бы сломать с самыми тяжёлыми последствиями для него. Но Вы для меня пока слишком мелкая рыбёшка. Будете упираться, Вас съедят другие. Да, кстати, в следующем году мы заканчиваем строительство дома для дивизии. Кажется, Вы стоите первым в списке на трёхкомнатную квартиру?

Я промолчал.

– Ладно, пока идите и подумайте над тем, что я сказал. Адьютант! – в дверях показался прапорщик. – Подготовьте мне машину на выезд. Весь день сегодня насмарку пошёл. Может, хоть вечер пройдёт нормально.

II

Здесь следует ещё освежить кое-что из событий в СССР в 1989 году. Прошедший I съезд Народных Депутатов приковал к телеэкранам всю страну. Избранный от Северо-Западного округа (в том числе Калининграда) депутат Оболенский выдвинул себя на выборах альтернативой Горбачёву. Казавшаяся монолитом власть партийных бонзов дала трещину. В армии, как и в стране, начинались брожения. Обстановка становилась, мягко говоря, беспокойная. Про плановые мобилизационные учения с привлечением людей из литовских военкоматов речь уже не шла. Калининградская область постепенно становилась анклавом.

Когда я рассказал в части офицерам о решении, которое сообщил мне Колесников, я услышал много различных мнений о нём и об армии вообще. Если оставить за кадром мат и непристойные выражения, то будем считать, что собеседники мои почти ничего толком не сказали. Впрочем, предложение выйти на высшее руководство страны и довести о факте сокрытия преступления всё-таки прозвучало.

На следующий день после обеда замполит Вилков нашёл меня и помахал перед моими глазами каким-то листочком, написанным от руки.

– Вот, – удовлетворённо сказал он, – никакого дела нет. Всё произошедшее – обоюдная драка, оба виноваты и будут наказаны.

– А кто провёл такое расследование? – прикинулся непонимающим я.

– Как кто провёл? Я и провёл. Комдив ознакомился и утвердил. Вот и корректировки кое-какие внесены его рукой. Можешь взглянуть. Кстати, в следующем году полку должны выделить три 3-комнатных квартиры. А у нас реально претендуют на них четверо. Как думаешь, кого кинут?

– Замполита, естественно, – съязвил я, рассматривая бумагу, написанную Вилковым, – за грамматические ошибки. Кто ещё мог написать слово «ПрецеНдент»? И, кстати, почему комдив ошибку не исправил?

– Очень смешно, – сделал строгое лицо замполит. – Кстати, на следующей неделе я проверю конспекты лекций по политзанятиям. Будь готов представить все темы.

– Всегда готов! – сделав пионерский салют и включив в композицию поворота кругом подскок и двойной голубец, я отправился к себе. Вслед доносилось что-то непристойно-нелицеприятное, слышное в деталях только самому замполиту.

III

Бумага, показанная замполитом, подействовала на меня возбуждающе и привела к тому, что на полпути я спонтанно изменил решение и отправился в машинописное бюро, где чинно восседала девушка Оля, красавица из Сибири. Она была наполовину китаянкой, достаточно высокого роста. Когда она была на каблуках, я со своими 180 сантиметрами смотрел на неё снизу вверх. В машбюро воинской части её устроила тётя. До этого Оля работала где-то в Сибири на буровой вышке поваром, а когда ей исполнилось 25 лет, приехала в Калининград в поисках приличного мужа. Оля дружила с Верой, библиотекарем части, восьмым, но не последним ребёнком в семье. Кажется, всего в их семье было 13 детей. Вера недавно вышла замуж за парня, который имел звание старшего лейтенанта милиции и служил в Туркмении. Вера собиралась перебраться к нему, но не знала, как оставить родителей и многочисленных братьев и сестёр. К тому же она была дружна с Олей и хотела ей помочь выйти замуж. Но Оля была разговорчива в людях, когда речь шла о её потенциальном избраннике. Братья Веры Оле не нравились, ей хотелось большой и чистой любви, при этом её будущий муж должен был непременно хорошо зарабатывать и иметь квартиру. Но таких мужчин Оле почему-то не попадалось. Думая об этом, Оля вздыхала и поглядывала на часы. До конца рабочего дня оставалось 50 минут. И тут Олин покой был нарушен мною.

– Привет, красавица, скучаем? И что тут у нас, больная? Ого! Шея, как всегда, затекла. Необходим массаж...

Мои руки потянулись к Олиной шее.

– Не надо, – притворно отстранилась Оля, – я женатым мужчинам себе массаж делать не разрешаю.

– А в нерабочее время? – спросил я, переводя усилия кистей рук от шеи на плечи.

– В нерабочее тем более, – млеющим голосом проговорила Оля, – хотя у меня сегодня на самом деле шея затекла, поэтому я делаю исключение. Но только сегодня!

– Здесь и сейчас! – разминая Олину шею, я перешел к делу. – Кстати, если ты собралась пораньше закончить, то вынужден тебя огорчить. Через пару минут здесь будет замполит, который заставит тебя печатать всякую ерунду со своей бумажки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.